

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.352.2'42:811.352.2'38
ББК Ш160.2-51+Ш106.2-55
DOI 10.26170/pl20-05-16

ГСИТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 10.02.19

Л. А. Агрба

Абхазский государственный университет, Сухум, Республика Абхазия

ORCID ID: 0000-0002-4951-6214

✉ E-mail: lagrba@mail.ru.

Тактико-стратегический репертуар Владислава Ардзинбы

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено анализу тактико-стратегического комплекса дискурсивных средств, используемых Владиславом Григорьевичем Ардзинбой для осуществления эффективной деятельности на посту лидера государства. В год 75-летия со дня рождения первого президента Абхазии хотелось бы обратиться к риторическим и коммуникативно-когнитивным аспектам языковой личности, ставшей одной из самых значимых для своего времени политических фигур на постсоветском пространстве. **Актуальность** исследования обусловлена недостаточной изученностью особенностей и характерных черт В. Г. Ардзинбы как языковой личности. **Целью** исследования является выявление основных тактик и стратегий, выполняющих в текстах политика стилиобразующую функцию. **Наша задача** — раскрыть установки, которые обуславливают используемый адресатом определенный набор языковых средств, а также понять речевое поведение языковой личности политика. Стратегии, характерные для политического дискурса, способствуют установлению контакта, активному воздействию друг на друга электората и политика, формированию его имиджа, а от правильно выбранной речевой стратегии и приемов ее реализации зависит успешность политика. Реализация определенных стратегий через набор речевых тактик позволяет политику выполнять коммуникативные задачи, а именно информировать граждан, интерпретировать факты и события, повышать личный политический статус, объединять массы вокруг идеи и побуждать их к определенным действиям, дискредитировать политических оппонентов и т. д. В **результате** исследования выявлены наиболее характерные тактико-стратегические средства, используемые В. Г. Ардзинбой в политическом дискурсе для осуществления своих целей. Установлено, что стратегии и тактики, применяемые политиком, отвечали внешнеполитическим факторам и были обусловлены общим положением дел в стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; языковая личность; идиостиль; политический дискурс; политическая риторика; лингвоперсонология; политические тексты; риторические приемы; политические деятели; Президент Абхазии; коммуникативные задачи.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Агрба Лана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского и немецкого языков, Абхазский государственный университет; 384900, Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская, 1; e-mail: lagrba@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Агрба, Л. А. Тактико-стратегический репертуар Владислава Ардзинбы / Л. А. Агрба // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 183-192. — DOI 10.26170/pl20-05-16.

ВВЕДЕНИЕ

Детерминирующими факторами успеха, делающими фигуру политика узнаваемой, являются в числе прочих правильная организация речевой деятельности, выбор целевых установок и использование тактико-стратегических средств для повышения результативности коммуникации. Грамотная презентационная тактика, умелое применение технологий и медиаканалов являются неотъемлемой частью диалога «власть — общество» [Шарков 2012], а конечная цель любой коммуникативной стратегии — «коррекция модели мира адресата», которая достигается за счет введения собственных интерпретаций (проблем, тем, событий, образов и т. д.) как общих, разделяемых всеми [Иссерс 1999: 109].

Очевидно, что для эффективного влияния на общественное мнение значимы как «выбор языковых средств для выражения

мысли, так и само содержание речи — её смысл, приводимая аргументация, расположение элементов текста относительно друг друга, использование специальных приемов речевого воздействия» [Стернин 2012: 57—58], а также грамотное применение тактико-стратегического комплекса, придающего всем перечисленным элементам инерцию.

Исследуя речеповеденческие стратегии и тактики языковой личности как субъекта политического дискурса, мы рассматриваем их как способ оказания влияния через реализацию системы культурно обусловленных значений, отражающих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции и ценности [Воркачев 2001]. Являясь механизмом воздействия, они также оказывают влияние на имидж политика, формируя его языковой образ, идиостиль, делая фигуру политика узнаваемой, так как в эффективном использовании коммуникативных стратегий и тактик

проявляется риторическая грамотность человека [Паршина 2004].

Под речевой стратегией в исследовании мы понимаем «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели, а под речевой тактикой — одно или несколько речевых действий, которые способствуют реализации стратегии... Речевая стратегия определяет семантический, стилистический и прагматический выбор говорящего» [Иссерс 1999: 54, 105]. Стратегии и тактики соотносятся с набором отдельных коммуникативных интенций, которые «эксплицируются совокупностью приемов, обуславливающих применение языковых средств» [Атьман 2011: 98]. Таким образом, если представить стратегию как общую интенцию действия, то тактики — это конкретный языковой алгоритм реализации плана; стратегия соотнесена с коммуникативной целью, а тактика — с намерением.

В интересующей нас области политической коммуникации, по замечанию А. П. Чудинова, «стратегия ориентирована на изменение политических взглядов адресата, на преобразование его отношения к тем или иным теориям, событиям, людям» [Чудинов 2006: 76], а тактика определяет элементы речевого воздействия и аргументации. В рамках выбранной стратегии политик может применять различные тактики. Они подвижны и позволяют гибкому и быстро ориентирующемуся в ситуации политику использовать наиболее подходящую и эффективную для данного контекста и периода общения речевую тактику.

Исследуемая нами языковая личность первого президента Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинбы характеризуется такой организацией речевой деятельности и целевых установок политического дискурса, которая обеспечивала полное доверие и привлечение масс, внушала ощущение правильности действий и оценок политика. Во многом благодаря правильному выбору определенных коммуникативных стратегий и тактик личность политика стала не только легко узнаваемой, но и любимой народом. В статье мы попытаемся систематизировать и проанализировать основные приемы в тактико-стратегическом арсенале политика.

ОТБОР И КЛАССИФИКАЦИЯ ТАКТИКО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В исследованиях политического дискурса существует множество классификаций тактик и стратегий. Во всех типологизациях учитываются интенции говорящего и коммуникативный контекст. Так, О. Н. Паршина

выделяет: 1) стратегию самопрезентации, целью которой является создание положительного образа политика; 2) информационно-интерпретационную стратегию, которая служит для удержания властных полномочий и отражает восприятие и оценку политиком происходящих событий; 3) аргументативную стратегию, используемую для убеждения адресата [Паршина 2005].

О. С. Иссерс выделяет основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные типы стратегий. К основным стратегиям относятся те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, поведение, а вспомогательные способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия. Среди них выделяются прагматические (коммуникативно-ситуационные) стратегии, подразумевающие учет компонентов коммуникативной ситуации, диалоговые (конверсационные) стратегии, которые используются для контроля за организацией диалога, а также риторические стратегии, в рамках которых используются приемы ораторского искусства [Иссерс 2009: 104—109].

Исследуя политический дискурс как сферу реализации манипулятивного воздействия, выделяют: 1) стратегию на понижение, реализуемую через тактику анализа «с минусом» (разбор ситуации, предполагающий имплицитное выражение отрицательного отношения к описываемому), тактику обвинения, тактику безличного обвинения, тактику обличения, тактику оскорбления, тактику угрозы; 2) стратегию на повышение, обслуживаемую тактикой анализа «с плюсом» (разбор ситуации, предполагающий имплицитное выражение положительного отношения к описываемому), тактикой презентации, тактикой неявной (само)презентации, тактикой отвода критики, тактикой (само)оправдания; 3) стратегию нейтральности, которая представлена тактикой побуждения, тактикой кооперации, тактикой размежевания, тактикой информирования, тактикой обещания, тактикой прогнозирования, тактикой предупреждения, тактикой иронизирования, тактикой провокации [Михалева 2004: 63].

Рассматривают и другие стратегии: борьбы за власть, самозащиты, удержания власти, информационно-интерпретационную, формирования эмоционального настроения адресата, убеждения, агитационную, дискредитации и др. [см.: Култышева 2013; Паршина 2007; Цуциева 2012].

Изучив различные методы и варианты классифицирования, попытаемся выявить основные стратегии и тактики, максимально полно отражающие индивидуальность ана-

лизируемой языковой личности. В исследовании мы выделили как особенно характерные для идиостиля В. Г. Ардзинбы:

• **информационно-интерпретационную стратегию** (актуализируемую тактиками убеждения, признания существования проблемы, призыва, акцентирования положительной информации).

Одной из наиболее частотных речевых стратегий по классификации О. Н. Паршиной является информационно-интерпретационная стратегия, так как она важна с точки зрения удержания внимания масс. «Большое место в речевой деятельности политиков, находящихся у власти, занимает воздействие на общество, осуществляемое через подачу информации и ее интерпретацию, что, конечно, не исключает использования и других средств, например, отдельных приемов манипуляции» [Паршина 2007: 79].

В. Г. Ардзинба не просто информировал общественность, но анализировал, интерпретировал, помогал лучше понять причины проблем, что говорит об уважении к слушателям. При этом тексты его выступлений кратки, динамичны, информативно насыщены. Идиостиль Ардзинбы отличался стремлением к точности, документальности, фактографичности, что помогало политику создавать имидж объективного лидера, использующего аргументы, против которых невозможно возражать.

Центральная политическая тактика В. Г. Ардзинбы — **убеждение**. С помощью языковых средств адресант влиял на мнение масс и создавал доверие к тому, что произносил или совершал. «Владислав обладал харизмой, логикой и даром убеждения — и приходила уверенность в успех правого дела абхазов» [Чамагуа 2013: 12]. Отличительной особенностью идиостиля Ардзинбы является то, что ему без видимых языковых маркеров манипулирования, путем прямого обращения к народу удавалось оказывать воздействие на широкие слои общества. «**Нам придётся обратиться к народу, чтобы весь народ поднять на борьбу с преступниками**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 129]. «**Поскольку нас поставили в эти условия, мы вынуждены и будем защищаться**, пока последний грузинский солдат не покинет нашу территорию» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 55]. «**Нам нельзя терять бдительности... войны не должно быть**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 130].

Политик не скрывал наличия проблем, не снимал с себя ответственности, не замалчивал и не избегал сложных, неприятных тем. И именно **тактика признания существования проблем**, несомненно, положитель-

но сказывалась на укреплении авторитета политика. «**Проблем много**. Все — главные: беженцы, продовольствие, электроснабжение. Надо восстанавливать коммунальное хозяйство и ликвидировать последствия войны» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 97]. Симпатии населения были на стороне лидера, который думал о последствиях и просчитывал шаги наперед: «Принимать решения я должен **на основе всех факторов и учёта того, какие будут последствия**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 28]. «У нас много кукурузы. Убирать не успеваем. Надеюсь, **не пропадём**, даже если блокада останется...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 99].

В. Г. Ардзинба умел эмоционально настраивать массы. Он честно предупреждал народ о том, что настанут непростые времена, но призывал не сдаваться, не падать духом. «Пока ситуация неопределенная, мы стремимся, чтобы она постепенно нормализовалась, **расслабляться здесь нельзя**. ... Вы видите, что неоднократно соглашения, которые подписывались, — они нарушались, это тоже не исключено, поэтому **мы не должны здесь расслабляться**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 28]. «Самое страшное — позади, а **самое трудное — впереди**. Самое страшное — это война и всё с ней связанное. Самое трудное впереди потому, что **теперь перед нами стоят очень большие проблемы**» [Сайт первого президента Абхазии [www](http://www.abkhazianews.ru)].

Используя **тактику призыва**, В. Г. Ардзинба позиционирует себя как политика, который верит в то, что шанс добиться победы всем вместе очень велик. «На войне как на войне. **Не всегда бывают только одни победы, бывают и поражения**. Бывают и неудачные наступления. **Мы не можем и не имеем права падать духом**. Борьба с фашизмом будет продолжаться. **Мы сделаем все необходимые выводы** из нашего наступления. И я глубоко убежден в том, что **победа будет на нашей стороне!**» [Сайт первого президента Абхазии [www](http://www.abkhazianews.ru)]. Как видно из примера, на речевом уровне тактика призыва представлена глаголами в форме повелительного наклонения;

• **стратегию формирования положительного настроения** (усиленную тактикой единения).

Поддержание национального духа осуществляется с помощью стратегии формирования положительного эмоционального настроения адресата, усиленной тактикой единения, одной из самых значимых в арсенале В. Г. Ардзинбы, характеризующейся использованием лексем, несущих идею единения.

Политик демонстрирует в любой, даже самой сложной ситуации позитивный настрой, доброжелательность, подчеркнутую вежливость. В. Г. Ардзинба говорил: «Нужно поддержать веру людей в успех...» [цит. по: Чамагуа 2013: 18]. Лидер страны даже в самые тяжелые времена подбадривает народ и вселяет веру в то, что он выстоит: **«Абхазия не так одинока, как изображают. Я сам поражаюсь, сколько у нас в мире друзей!»** [Сайт первого президента Абхазии www].

Личная убежденность В. Г. Ардзинбы служила стимулом для борьбы народа. «У Владислава была **твердая и постоянная позиция, была вера**. Он все время говорил: **„Мы выиграем и все свои дела решим“**» [Джергения 2019: 51]. «Всегда была в нем уверенность, что идеи свободы реальны, что положение народа можно изменить к лучшему» [Чамагуа 2013: 40]. «Я оптимист», — утверждал политик в своих интервью [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 83]. «Я лично смотрю достаточно оптимистично на развитие политического процесса урегулирования» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 178]. «Я здоровый реалист и здоровый оптимист», — так сам себя оценивал Ардзинба [Сайт первого президента Абхазии www]. Поэтому каждый раз, говоря о будущем, политик рисует его в ярких, радужных тонах, что служит свидетельством дальновидности, мудрости опытного политика, наделенного прогностическим талантом: «Борьба абхазов за свои права, за свободу и демократию **должна увенчаться успехом**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 40]. «И как, в конце концов, прекратится этот дождь, так и **уйдут со временем наши тревоги и горести, и Абхазия будет свободной и счастливой**. И да поможет нам в этом Великий и Всемогуший!» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 217]. «**Вызывает оптимизм** то, что в странах, которые имеют вес в мире, всё больше склоняются к тому, что грузино-абхазский **конфликт будет решен только мирным путем**. И еще я убежден, что **самое тяжелое для нас позади**... В Новый год **мы войдем** с уверенностью, что сделано уже немало, но **завтра будет значительно лучше**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 310]. «Именно умение политика в любой ситуации оставаться позитивно настроенным дает избирателям уверенность в том, что ситуация находится под контролем и их стабильности ничто не угрожает; именно его способность смотреть в многообещающее будущее и не сокрушаться по поводу состоявшегося, пусть и неудачного, прошлого приносит ему дополнительные очки в глазах избирателей, которые хотят

уверенно идти за лидером в завтрашний день, а не волочиться за ним в надоевшее всем прошлое; именно его знание того, как грамотно подобрать слова утешения или обличения, настраивает его сограждан на правильную волну и продлевает его политическое благоденствие» [Мухортов 2018: 79].

Следует подчеркнуть, что в речи политика доминирует лексика с положительной семантикой, она необходима оратору для настраивания сограждан на преодоление трудностей. Как видно из примеров, многие фразы и предложения политика носят аффирмативный характер, способствуя улучшению психоэмоционального фона, как бы стимулируя положительные перемены. **«Мы не станем ходить с протянутой рукой и будем сами в состоянии восстановить страну»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 257]. «...И надеюсь, и мечтаю о том, что когда-нибудь мы сможем определенно сказать, что **Абхазии гарантировано мирное развитие**. И когда всё будет нормально, я мечтаю вернуться в науку» [Сайт первого президента Абхазии www]. Наличие в риторике говорящего большого количества лексики с позитивным зарядом, безусловно, усиливает речевое воздействие на слушателей.

На языковом уровне тактика усиливается употреблением эмоционально окрашенной лексики и сочетанием местоимений «я» + «мы». Тем самым политик демонстрирует, что находится в постоянном диалогическом общении со своим народом. **«Я думаю, что мы должны выстоять** в этот трудный час, и мы выстоим, **мы нанесем поражение** тем, кто сеет смерть и разрушения в Абхазии...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 19]. «Поймите, мне тоже очень нелегко, очень трудно, но **я глубоко уверен** в том, что **у нас есть соответствующая поддержка**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 18]. После подписания Московского соглашения, вызвавшего неоднозначную реакцию в абхазском обществе, В. Г. Ардзинба скажет: **«Я понимаю, конечно, разочарование моих соотечественников, но я думаю, что всякое явление и всякое решение надо рассматривать всесторонне и оценивать не только его отрицательные стороны, но и положительные тоже»** [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 26];

• **стратегию позиционирования** (реализуемую тактиками самоидентификации и демонстрации профессионального успеха).

Коммуникативная стратегия позиционирования (стратегия самопрезентации, или имиджевая) является одной из самых важных для политика, она используется всеми без исключения политиками и универсальна

в области политического дискурса. Она выполняет одну из основных для политика коммуникативных задач — привлечения внимания и симпатий электората в рамках политического дискурса; реализуется с помощью демонстрации профессионализма, успеха, исключительных черт и т. д. Т. ван Дейк причисляет ее к «макстратегиям». Наряду со стратегией «позитивной самопрезентации», он выделяет «негативную презентацию оппонента», называя обе стратегии комплементарными по отношению друг к другу [Dijk 1993].

Для любого политика важно грамотно сформировать привлекательный образ. Он всегда старается убедить публику в своей политической компетентности в системе государственного управления и осведомленности в области международной политики, а это без положительного имиджа невозможно. Однако в случае с анализируемой нами языковой личностью данная стратегия не являлась доминирующей. В. Г. Ардзинба был очень скромным человеком, человеком науки, и не акцентировал внимание на распространении информации о себе. Положительная репутация политика складывалась сама по себе на основании тех решений и шагов, которые он предпринимал. Его действия работали на его имидж. То есть в случае с анализируемой нами языковой личностью речь идет не о самопрезентации политика как саморекламе, а скорее об открытом диалоге с публикой в медиапространстве и журналистской презентации политика, что проявлялось через демонстрацию его образа, передачу его мыслей, опыта, личностных характеристик. В такой репортерской интерпретации складывался образ лидера, способного объединить под знаменами своих идей значительные слои населения и активно влиять на жизнь общества.

Стратегия самопрезентации В. Г. Ардзинбой реализуется имплицитно и выражается в тактике солидаризации с народом за счет отнесения себя к нему как части к целому. В рамках стратегии самопрезентации основная тактика в идиостиле Ардзинбы — это тактика солидаризации, актуализируемая в следующих семантических позициях: «парень из народа» или «я = народ», выражаемая личным местоимением «мы» в контексте единства автора и народа. Имплицитная самоподача в медиаформате репрезентируется в виде создания имиджа коллективного полиадресанта. «В нем сочеталось всё, что необходимо современному, европейски образованному политику. При этом он оставался абхазцем, со свойственным эшерскому крестьянину (так он себя называл) менталитетом» [Джергения 2019: 13].

Элементами имиджевой стратегии можно считать такие, которые реализованы в том числе в репрезентации образа жизни политика, фактов его прошлого, его «бытовых» правил и привычек. «Я не считаю, что став президентом, должен меняться как личность — наоборот, следует стараться, чтобы этого не произошло. Я **выполняю свой долг**, но этот род занятий мне не очень симпатичен. Для души **наука куда лучше** — там много открытий, а **в политике много хлопот** и проблем. Не люблю людей, которые много говорят. Я всё-таки родился в деревне и сейчас, когда находится свободное время, возжусь на нашем участке с кукурузой, огурцами, помидорами. Всё, что мама на зиму заготовила — выращено моими руками» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 235].

Его стремление к самореализации как политика — в желании сделать всё возможное для защиты своего народа, для сохранения этноса. «Я оказался в роли руководителя Абхазии в силу стечения обстоятельств. Сначала это серьезно не воспринимал. Думал, что пришел на какой-то незначительные период... В войну **нельзя было отойти от дел, это равносильно предательству** тех, кто стоял насмерть» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 153]. Ардзинба так описывает свое появление на политической арене: «Что касается моего прихода в большую политику, то для меня как для ученого он был достаточно неожиданным, поскольку я себя **к такой карьере никогда не готовил**. Всегда **мечтал о судьбе ученого** и сожалею, что мне пришлось, в силу известных обстоятельств, уйти из науки» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 174].

В арсенале В. Г. Ардзинбы множество репрезентирующих, контактоустанавливающих микроролей, о которых хотелось бы упомянуть: «я — политик», «я — гражданин», «я — историк/ученый/профессионал». Также важны имиджевые роли, реализованные Ардзинбой во время и после войны — это «лидер нации», «главнокомандующий», «патриот, испытывающий гордость за страну и свой народ», «сильный и уважаемый лидер», «государственник». Каждый из этих образов, блестяще примеряемых политиком, требует отдельного анализа, так как выполняет тактическую задачу построения полного и достоверного портрета личности политика. Однако объем предлагаемого исследования не позволяет нам этого сделать.

В структуре политического портрета В. Г. Ардзинбы мы выделяем следующие основные ценностно-содержательные составляющие: 1) имидж успешного профес-

сионала и политического деятеля; 2) имидж главнокомандующего; 3) имидж политика с личностными характеристиками, необходимыми для участия в политической деятельности в качестве лидера народа. Считаем, что правильно было бы квалифицировать ученого В. Г. Ардзинбу, ставшего политиком, как лицо, оказавшееся в силу исторически обусловленных причин «в зоне повышенной речевой ответственности» (А. К. Михальская), как «профессиональную языковую личность» (А. А. Ворожбитова) особого типа — ученого, вынужденного примерить на себя роль политика. А ведь это не было его целью: «Больше всего мечтаю не о высшей власти и могуществе, а о своем возвращении в **Институт истории. Там моё место, там моё назначение**, и я непременно воспользуюсь благоприятными обстоятельствами, чтобы снова заниматься любимым делом» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 140]. «Душевно и по складу характера я всё же **остаюсь ученым, историком** и люблю это дело значительно больше, чем политику. Знаете, в политике приходится иметь дело с людьми, начисто лишенными каких-либо нравственных принципов и идеалов... Но коль скоро **на мою долю выпало такое испытание**, я пока держусь. Хотя с большим удовольствием я покинул бы этот пост и пошел бы снова работать директором Абхазского института. Это у меня такая маленькая мечта. Мечта, что я смогу в один прекрасный день вернуться в свой родной институт...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 214];

• **стратегию дискредитации оппонента** (реализуемую посредством тактики акцентирования отрицательной информации о противнике, обличения, обвинения и угрозы, а также тактики переноса ответственности).

В. Г. Ардзинба демонстрирует ровный, сдержанный, спокойный стиль общения, его суждения всегда взвешенны, логичны и продуманны. Вместе с тем для идиостиля политика характерны настойчивость в отстаивании своих идей, смелость, готовность критически высказаться. Он дает оценочные комментарии критического характера, часто выражая свою оценку короткой меткой репликой, хлестким, иногда довольно жестким высказыванием. В. Г. Ардзинба выступает в роли прагматика, который, однако, не боится прямой конфронтации с оппонентом, представляющим угрозу для народа, чьи интересы он представляет и отстаивает. Такое речевое поведение не только определяет лидера в качестве «своего», но и реализует обращение к «своему» электорату через оценочный контекст.

Часто его оценки и замечания отличаются жесткой и непримиримой позицией по отношению к оппонентам, что находит свое отражение в тактиках обвинения и переноса ответственности. Как часть *стратегии дискредитирования оппонента* В. Г. Ардзинба использует *тактику акцентирования отрицательной информации о противнике*. «В Грузии фактически существует **военно-фашистский режим**. А он не может существовать за счет других источников, как только насилие» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 38]. «Грузинские войска оккупируют нашу территорию, уничтожают там законные органы власти, пытаются подменить их своими марионетками, и фактически осуществляют **геноцид** против абхазского народа, более того, изгоняются русские, армяне, греки, то есть идет процесс преобразования Грузии в мононациональную республику. То есть на нашей земле происходит реализация **фашистской идеи**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 42].

Обратим внимание, что довольно часто для описания действий врага сын участника Великой Отечественной войны В. Г. Ардзинба использует слово *фашизм* как обозначение наиболее страшного и опасного явления, чуждого всему *человеческому, цивилизованному*. «**Мы здесь в Абхазии все**, и старое поколение, и молодое — **антифашисты**» [Сайт первого президента Абхазии www].

По выбору и использованию языковых средств аргументацию В. Г. Ардзинбы можно охарактеризовать как *явную* в связи с открытыми оценками и прямыми номинациями, но при этом *корректную* с точки зрения соблюдения норм речевого этикета. «Что действительно сегодня имеет место, так это **политика государственного терроризма** в отношении Абхазии. Насильственная ликвидация государственности одного народа другим — это и есть настоящий государственный терроризм» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 52—53]. «...Еще один показатель того, как „нежно“ Грузия нас любит. Нам предлагают войти в состав государства, которое готово **уморить нас голодом**, ради достижения своих **гегемонистских целей**. Отсюда наше „большое желание“ быть вместе с таким государством. Грузии не следует уповать на то, что с помощью международных сил и России Абхазию можно **задушить голодом**. Это совершенно бесперспективные надежды, и они никогда не сбудутся» [Сайт первого президента Абхазии www]. «**Если бы не действия грузинской стороны**, то, наверное, согласие могло бы быть постепенно достигнуто» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 55].

Как видно из примеров, В. Г. Ардзинба в *тактике обвинения и угрозы* использует довольно яркие, порой ироничные, речевые акты аргументированного возмущения, имеющие одну коммуникативную интенцию — выражение резко негативной оценки слов/действий собеседника. Они представляют собой фразы, часто в форме лексических единиц с ярко выраженной негативной коннотацией, метафор, идиоматических выражений. Реплики такого типа направлены на разрушение имиджа соперника, несут безапелляционный характер и оказывают на слушателей серьезное эмоциональное воздействие. «Я глубоко убежден в том, что **если мир узнает** о том, что творилось в Абхазии, что здесь сделано, как обращаются с людьми, **...то мир ужаснется** от того, что здесь происходило. Это будет **позорное пятно на совести** тех, кто совершил эту акцию в Абхазии» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 29]. «Все показания пострадавших мы фиксируем и считаем. **За эти преступления должны понести наказание** определенные лица, как военные, так и политики» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 37]. «В Турции живет более 300 тысяч абхазов — больше, чем в самой Абхазии. **Мы будем более активно обращаться к кавказским братьям, чтобы они возобновили запись добровольцев.** Пока мы сдерживаем этот процесс...» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 58]. «Если Грузия активизирует боевые действия, мы будем вынуждены обратиться за помощью к братским народам Северного Кавказа, попросить их о возобновлении записи добровольцев. Я понимаю, что **это грозит разрастанием конфликта до всекавказских масштабов.** Поэтому войну в Абхазии надо прекращать» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 65]. «**Мы не обязаны** считаться с подобными притязаниями. **Свои интересы мы будем отстаивать жестко,** а если надо, то и военным путем будем защищаться» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 247].

Используя *тактику обличения и дискредитации*, В. Г. Ардзинба подчеркивал двуличие, хитрость, лживость политических соперников, называя их «псевдодемократами», «международными политическими авантюристами», приводящими «досужие доводы», совершающими «хитрые политические выкрутасы», прикрывающимися «ужасными масками», применяющими «спекулятивный подход в решении конфликта с Абхазией». На уровне языкового воплощения тактика манифестируется оценочными эпитетами с отрицательным компонентом значения (*ужасный, хитрый, авантюрный,*

лживый и т. д.) «Мне трудно поверить, что Шеварднадзе может говорить **заведомо ложные вещи...**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 22]. «**Военщиной и дипломатией Шеварднадзе похоронен** Итоговый документ Московской встречи» [Сайт первого президента Абхазии www]. В приведенных фрагментах оценки оппонентов отличаются повышенной экспрессивностью.

Тактика переноса ответственности реализуется ссылкой на оппонента и обращением к нему, сопровождаемым прямой или косвенной негативной характеристикой. «Будет такой договор или нет — **будет во многом зависеть от Грузии,** от того, сможет ли она изменить свое отношение, или по-прежнему будет относиться к Абхазии как к своей колонии» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 144]. «Подавляющее большинство населения прекрасно понимает ответственность **тех людей, которые приняли решение о введении войск,** и ответственность тех депутатов парламента из грузинской фракции, которые всегда ратовали за это и которые **несут свою вину за то, что они призывали эти войска**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 26]. «**Вся ответственность** за возможное возобновление боевых действий **целиком и полностью ложится на руководство Грузии**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 119].

Прием сопоставления, активно применяемый политиком, придает речи особенную выразительность и привлекает внимание слушателей. «Тем самым **мы показали, что готовы к миру,** готовы к прекращению кровопролития, **как и было всегда.** Пусть противная сторона покажет, что она действительно готова к этому миру, готова прекратить кровопролитие, так что **теперь это зависит от другой стороны**» [Мы шли на смерть, чтобы жить... 2011: 28].

Как видно из примера, коммуникативное поведение политика представлено в двух основных разновидностях коммуникации — конфронтативной (*тактика побуждения к борьбе, тактика переноса ответственности, дискредитации и запугивания оппонента*) и кооперативной (*компромиссная тактика*). Подобное переплетение коммуникативных тактик, усиленное ярким языковым оформлением, создает эффект дополнительного психологического напряжения, запугивания оппонента.

Подчеркнем, что выбор и реализация В. Г. Ардзинбой системы стратегий и тактик были продиктованы стоявшими перед политиком целями и задачами. Они указывают на серьезность, эксплицитность намерений, убежденность политика в правоте своих

действий. Грамотно подобранные речевые и коммуникативные стратегии и тактики позволяли В. Г. Ардзинбе максимально эффективно и оперативно взаимодействовать с аудиторией, привлекать внимание слушателей и воздействовать на их убеждения, заручившись их полным доверием. Политик в основном использует речевые стратегии и тактики, характерные для публичных выступлений и политического дискурса, однако отличительным признаком идиостиля В. Г. Ардзинбы можно считать комбинированное использование речевых стратегий и тактик, что служит более эффективному достижению коммуникативных целей.

ВЫВОДЫ

Исходя из проведенного анализа, как наиболее важные для понимания особенностей идиостиля В. Г. Ардзинбы мы выделили следующие тактико-стратегические средства, которые определяют ядерные признаки языковой личности политического лидера:

- стратегия позиционирования интегрированного образа лидера, готового вместе со своим народом бороться при отстаивании национальных интересов (*представлена тактиками единения, ассоциированности с народом*);

- стратегия противопоставления и контраста, основанная на игре конфронтации и компромисса (*представлена тактиками обвинения, дискредитации, переноса ответственности, запугивания, а также компромисса, сотрудничества, открытости к диалогу*);

- информирующая и контактоустанавливающая стратегия (*представлена тактиками убеждения, признания существования проблемы, призыва, акцентирования положительной информации*);

- имиджевая стратегия (имплицитно представлена тактикой позиционирования себя в качестве «парня из народа»).

Считаем, что к основным речевым стратегиям В. Г. Ардзинбы в анализируемых текстах относятся *информационно-интерпретационная, аргументативная, стратегия формирования эмоционального настроя и агитационная*. Реализация перечисленных стратегий и тактик позволила Владиславу Ардзинбе выполнить ряд ключевых для любого лидера коммуникативных задач, а именно:

- обеспечить аргументированное информирование населения о целях и задачах, а также о перспективах развития государства;

- убедить народ в правильности выбранного курса и предпринимаемых правительством шагов;

- вызвать симпатии и доверие населения Абхазии;

- повысить личный авторитет и статус политика в обществе;

- подвергнуть полной дискредитации политических оппонентов;

- объединить народ, поднять его для противостояния врагу;

- побудить народные массы к действиям, приведшим в конечном счете к победе в освободительной войне.

ИСТОЧНИКИ

1. Мы шли на смерть, чтобы жить: сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба / сост. Л. К. Ардзинба. — Сухум, 2011. — Текст : непосредственный.

2. Сайт первого президента Абхазии. — URL: www.ardzinba.com. — Текст : электронный.

ЛИТЕРАТУРА

3. Атьман, О. В. Вербализация стратегии самопрезентации в президентских предвыборных теледебатах как агональном жанре политического дискурса США / О. В. Атьман. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 96—102.

4. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72.

5. Джергения, А. М. О первом президенте Республики Абхазия Владиславе Ардзинба (статьи, интервью) / А. М. Джергения. — Сухум, 2019. — Текст : непосредственный.

6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : моногр. / О. С. Иссерс. — Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. — 285 с. — Текст : непосредственный.

7. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью» / О. С. Иссерс. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 224 с. — Текст : непосредственный.

8. Култышева, И. В. Использование коммуникационных стратегий во время теледебатов избирательной кампании в Государственную думу 2011 года / И. В. Култышева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3 (45). — С. 106—113.

9. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова / В. А. Маслова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1 (24). — С. 43—48.

10. Михалева, О. Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия : дис. ... канд. филол. наук / Михалева О. Л. — Иркутск, 2004. — Текст : непосредственный.

11. Мухортов, Д. С. О прагмалингвистических особенностях вербального поведения американского президента Ричарда Никсона (на материале избранных речей) / Д. С. Мухортов. — Текст : непосредственный // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9. — № 1. — С. 77—92.

12. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика / О. Н. Паршина ; под ред. О. Б. Сиротининой. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. — 227 с. — Текст : непосредственный.

13. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России / О. Н. Паршина. — Астрахань : Изд-во АГТУ, 2004. — 325 с. — Текст : непосредственный.

14. Паршина, О. Н. Риторический портрет современного российского политика / О. Н. Паршина. — Текст : непосредственный // Записки Горного института. — Санкт-Петербург, 2005. — Ч. 1. — С. 59—60.

15. Стернин, И. А. Основы речевого воздействия : учеб. издание / И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2012. — 178 с. — Текст : непосредственный.

16. Цуциева, М. Г. Языковая личность как субъект политического дискурса / М. Г. Цуциева. — Текст : непосредственный // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2012. — Вып. 2. — С. 104—107.

17. Чамагуа, В. З. Эпоха Владислава. Хроники / В. З. Чамагуа. — Сухум : РУП «Дом печати», 2013. — 316 с. — Текст : непосредственный.

18. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта-наука, 2006. — 254 с. — Текст : непосредственный.

19. Шарков, Ф. И. Коммуникология: социология массовой коммуникации / Ф. И. Шарков. — 2-е изд. — Москва : Дашков и К., 2012. — 320 с. — Текст : непосредственный.

20. Dijk, T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // Discourse & Society. — 1993. — N. 4 (2). — P. 249—283.

L. A. Agrba

Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia

ORCID ID: 0000-0002-4951-6214

✉ E-mail: lagrba@mail.ru.

Tactical and Strategic Repertoire of Vladislav Ardzinba

ABSTRACT. The study is devoted to analysis of the tactical and strategic array of discursive means used by Vladislav G. Ardzinba to carry out effective governance as a leader of the state. In the year of the 75th anniversary of the birth of the first President of Abkhazia, the author expresses a wish to address the rhetorical and communicative-cognitive aspects of the linguistic personality, who has become a most significant political figure on the post-Soviet territory of the time. **The urgency** of research arises from the insufficient study of the typical and characteristic features of V. G. Ardzinba as a linguistic personality. **The aim** of the study is to identify the main tactics and strategies that perform a style-forming function in the texts of the politician. The author's **task** is believed to reveal the attitudes that determine the specific set of language tools used by the speaker, as well as to understand the speech behavior of the linguistic personality of the politician. The strategy is typical of political discourse and helps to establish contact and active mutual interaction between the voters and the politician and the construction of his/her image; in its turn, the choice of a relevant speech strategy and the methods of its realization can guarantee success to the politician. The implementation of certain strategies through a set of speech tactics allows a politician to perform communicative tasks, such as informing citizens, interpreting facts and events, raising personal political status, uniting masses around an idea and encouraging them to take certain actions, discrediting political opponents, etc. As a result of the study, the most characteristic tactical and strategic means used by Ardzinba in political discourse which helped him to achieve his political goals are identified. It has been found that the strategies and tactics used by the politician correspond to the foreign policy factors and are in line with the general state of affairs in the country.

KEYWORDS: communicative strategies; communicative tactics; linguistic personality; individual style; political discourse; political rhetoric; linguopersonology; political texts; rhetoric devices; politicians; President of Abkhazia; communicative tasks.

AUTHOR'S INFORMATION: Agrba Lana Alekseevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of English and German, Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia.

FOR CITATION: Agrba, L. A. Tactical and Strategic Repertoire of Vladislav Ardzinba / L. A. Agrba // Political Linguistics. — 2020. — No 5 (83). — P. 183-192. — DOI 10.26170/pl20-05-16.

MATERIALS

1. We went to Death to Live: a collection of interviews and speeches by V. G. Ardzinba / comp. L. K. Ardzinba. — Sukhum, 2011. — Text : unmediated. [My shli na smert', chtoby zhit': sbornik interv'y u i vystupleniy V. G. Ardzinba / sost. L. K. Ardzinba. — Sukhum, 2011. — Текст : непосредственный].

2. The Site of the First President of Abkhazia. [Sayt pervogo prezidenta Abkhazii]. — URL: www.ardzinba.com. — Text : electronic.

REFERENCES

3. Atman, O. V. Verbalization of Self-Presentation Strategy in Presidential Election Debates as Agonal Genre of US Political Discourse / O. V. Atman. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2011. — No 1 (35). — P. 96—102. [Verbalizatsiya strategii samoprezentatsii v prezidentskikh predvybornykh teledbatakh kak agonal'nom zhanre politicheskogo diskursa SShA / O. V. At'man. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2011. — № 1 (35). — С. 96—102]. — (In Rus.)

4. Vorkachev, S. G. Linguoculturology, Linguistic Personality, Concept: the Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics / S. G. Vorkachev. — Text : unmediated // Philological Sciences. — 2001. — No. 1. — P. 64—72. [Linguoculturology, Linguistic Personality, Concept: the Formation of an Anthropocentric Paradigm in Linguistics / S. G. Vorkachev. — Text: direct // Philological sciences. - 2001. - No. 1. — P. 64—72. Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii / S. G. Vorkachev. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72]. — (In Rus.)

chev. — Текст : непосредственный // Филологические науки. — 2001. — № 1. — С. 64—72]. — (In Rus.)

5. Dzhergeniya, A. M. About the First President of the Republic of Abkhazia Vladislav Ardzinba (Articles, Interviews) / A. M. Dzhergeniya. — Sukhum, 2019. — Text : unmediated. [O pervom prezidente Respubliki Abkhaziya Vladislave Ardzinba (stat'i, interv'y) / A. M. Dzhergeniya. — Sukhum, 2019. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

6. Issers, O. S. Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech : monograph / O. S. Issers. — Omsk : Publishing House of Omsk State University, 1999. — 285 p. — Text : unmediated. [Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi : monogr. / O. S. Issers. — Omsk : Izd-vo Om. gos. un-ta, 1999. — 285 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

7. Issers, O. S. Speech Impact : teaching aid for students studying in the specialty "Public Relations" / O. S. Issers. — Moscow : Flinta : Science, 2009. — 224 p. — Text : unmediated. [Rechevoe vozdeystvie : ucheb. posobie dlya studentov, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti «Svyazi s obshchestvennost'yu» / O. S. Issers. — Moskva : Flinta : Nauka, 2009. — 224 s. — Текст : непосредственный]. — (In Rus.)

8. Kultysheva, I. V. The use of communicative strategies in TV debates of election campaign of 2011 / I. V. Kultysheva. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2013. — No 3 (45). — P. 106—113. [Ispol'zovanie kommunikatsionnykh strategiy vo vremya teledbatov izbiratel'noy kampanii v Gosudarstvennuyu dumu 2011 goda / I. V. Kultysheva. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2013. — № 3 (45). — С. 106—113]. — (In Rus.)

9. Maslova, V. A. Political Discourse: Language Games or Word Games / V. A. Maslova. — Text : unmediated // Political Linguistics. — 2008. — No. 1 (24). — P. 43—48. [Politicheskii diskurs: yazykovye igry ili igry v slova / V. A. Maslova. — Tekst : neposredstvennyi // Politicheskaya lingvistika. — 2008. — № 1 (24). — S. 43—48]. — (In Rus.)
10. Mikhaleva, O. L. Political Discourse as a Sphere of Realization of Manipulative Influence : thesis. ... of Cand. of Philol. sciences / Mikhaleva O. L. — Irkutsk, 2004. — Text : unmediated. [Politicheskii diskurs kak sfera realizatsii manipulyativnogo vozdeystviya : dis. ... kand. filol. nauk / Mikhaleva O. L. — Irkutsk, 2004. — Tekst : neposredstvennyi]. — (In Rus.)
11. Mukhortov, D. S. On Pragmalinguistic Features of the Verbal Behavior of American President Richard Nixon (based on selected speeches) / D. S. Mukhortov. — Text : unmediated // Bulletin of RUDN. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. — 2018. — Vol. 9. — No. 1. — P. 77—92. [O pragmalingvisticheskikh osobennostyakh verbal'nogo povedeniya amerikanskogo prezidenta Richarda Niksona (na materiale izbrannykh rechev) / D. S. Mukhortov. — Tekst : neposredstvennyi // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. — 2018. — T. 9. — № 1. — S. 77—92]. — (In Rus.)
12. Parshina, O. N. Russian Political Speech: Theory and Practice / O. N. Parshina ; ed. O. B. Sirotinina. — Ed. 2nd, rev. and add. — Moscow : LKI Publishing House, 2007. — 227 p. — Text : unmediated. [Rossiyskaya politicheskaya rech': teoriya i praktika / O. N. Parshina ; pod red. O. B. Sirotininoy. — Izd. 2-e, ispr. i dop. — Moskva : Izd-vo LKI, 2007. — 227 s. — Tekst : neposredstvennyi]. — (In Rus.)
13. Parshina, O. N. Strategies and Tactics of Speech Behavior of the Modern Political Elite of Russia / O. N. Parshina. — Astrakhan : Publishing House of ASTU, 2004. — 325 p. — Text : unmediated. [Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii / O. N. Parshina. — Astrakhan' : Izd-vo AGTU, 2004. — 325 s. — Tekst : neposredstvennyi]. — (In Rus.)
14. Parshina, O. N. Rhetorical Portrait of a Modern Russian Politician / O. N. Parshina. — Text : unmediated // Notes of the Mining Institute. — St. Petersburg, 2005. — Part 1. — P. 59—60. [Ritoricheskii portret sovremennogo rossiyskogo politika / O. N. Parshina. — Tekst : neposredstvennyi // Zapiski Gornogo instituta. — Sankt-Peterburg, 2005. — Ch. 1. — S. 59—60]. — (In Rus.)
15. Sternin, I. A. Fundamentals of Speech Impact : teaching aid / I. A. Sternin. — Voronezh : Istoki, 2012. — 178 p. — Text : unmediated. [Osnovy rechevogo vozdeystviya : ucheb. izdanie / I. A. Sternin. — Voronezh : Istoki, 2012. — 178 s. — Tekst : neposredstvennyi]. — (In Rus.)
16. Tsutsieva, M. G. Language Personality as a Subject of Political Discourse / M. G. Tsutsieva. — Text : unmediated // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. — 2012. — Issue 2. — S. 104—107. [Yazykovaya lichnost' kak sub'ekt politicheskogo diskursa / M. G. Tsutsieva. — Tekst : neposredstvennyi // Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. — 2012. — Vyp. 2. — S. 104—107]. — (In Rus.)
17. Chamagua, V. Z. Epoch of Vladislav. Chronicles / V. Z. Chamagua. — Sukhum : RUE "Printing House", 2013. — 316 p. — Text : unmediated. [Epokha Vladislava. Khroniki / V. Z. Chamagua. — Sukhum : RUP «Dom pechati», 2013. — 316 s. — Tekst : neposredstvennyi]. — (In Rus.)
18. Chudinov, A. P. Political linguistics : teaching aid / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta-science, 2006. — 254 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika : ucheb. posobie / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta-nauka, 2006. — 254 c. — Tekst : neposredstvennyi]. — (In Rus.)
19. Sharkov, F. I. Communicology: Sociology of Mass Communication / F. I. Sharkov. — 2nd ed. — Moscow : Dashkov and K., 2012. — 320 p. — Text : unmediated. [Kommunikologiya: sotsiologiya massovoy kommunikatsii / F. I. Sharkov. — 2-e izd. — Moskva : Dashkov i K., 2012. — 320 s. — Tekst : neposredstvennyi]. — (In Rus.)
20. Dijk, T. A. van. Principles of Critical Discourse Analysis / T. A. van Dijk. — Text : unmediated // Discourse & Society. — 1993. — N. 4 (2). — P. 249—283.